

Хэ Чжэньшу, по правде говоря, вовсе и не злился.

Эти дни он избегал Пэй Чанлина не из-за обиды, а потому что в душе стоял какой-то сумбур — он просто не знал, как теперь с ним общаться. А тот, словно нарочно, так и не объяснился. Вот всё и зашло в тупик.

А сестра к тому же ещё и решила, будто они поссорились.

«Глупый ты...» - пробормотал Хэ Чжэньшу, отворачивая взгляд.

«Что?» - тихо переспросил Пэй Чанлин.

«Я говорю, ты глупый» - повторил Хэ Чжэньшу. «Сестра неправильно всё поняла, решила, что мы в ссоре — и ты сразу поверил? Ещё и прибежал извиняться. Разве я просил у тебя извинений?»

«Но ты ведь эти дни совсем со мной не говорил...» - голос Пэй Чанлина стал совсем тихим, будто с оттенком обиды.

Он и вправду был красив: когда чуть склонял голову и исподлобья смотрел на собеседника — глаза блестели, как у большого преданного пса, и в них читалась такая искренняя растерянность, что сердце невольно смягчало.

Казалось, будто его и правда жестоко обидели.

«Не смей мне тут прикидываться милым» - Хэ Чжэньшу с трудом заставил себя удержать ровный тон, сопротивляясь чарам этого взгляда. «Кто тебя просил тогда...»

Он чуть запнулся, взгляд сам собой скользнул к губам Пэй Чанлина — и тут же поспешно отвёл глаза.

«В общем, всё из-за тебя» - пробормотал он.

«Да, моя вина». Охотно согласился Пэй Чанлин, но почти сразу тихо спросил: «А тебе... не понравилось?»

Наверное, сказывался возраст — семнадцать, восемнадцать лет, ещё трудно скрывать свои чувства.

Взгляд Пэй Чанлина был ясным, чуть настороженным, и в то же время в нём пылала юная, горячая, почти неукротимая искренность.

Хэ Чжэньшу нередко упрекал его за скрытность, за то, что тот не говорит прямо, но на деле Пэй Чанлину не требовалось никаких объяснений — всё, что творилось у него на душе, и так уже стояло в глазах, открытое, беспомощно честное.

Сердце Хэ Чжэньшу вдруг забилось быстрее. Он неловко отвернулся, почти шёпотом сказал: «Я не знаю».

Да и думать об этом не стоило.

С тех пор, как они вернулись из посёлка Циншань, прошёл почти месяц. Ещё несколько дней — и им снова предстоит отправиться туда на повторный осмотр к доктору Бай.

Если всё окажется в порядке, тогда, по договорённости, он должен будет попросить Пэй Чанлина подписать разводное письмо.

А потом... он вернётся в город, чтобы продолжить добиваться справедливости и снять с отца ложное обвинение.

Это — то, что он обязан сделать.

Пэй Чанлин относился к нему с теплом, семья Пэев приняла его по-родственному, даже жители Сяхэ больше не сторонились, как раньше.

Он жил здесь спокойно, даже счастливо.

Но если он просто останется... как сможет тогда смотреть в глаза своему отцу, погибшему в тюрьме без вины?

Он поклялся себе — во что бы то ни стало добьётся правды для отца.

Ему нельзя было привязываться ни к этому месту, ни — тем более — к кому-то из людей.

Хэ Чжэньшу опустил голову; грудь будто сдавило изнутри, тяжесть подступила к горлу, и вдруг стало трудно дышать.

«А-Шу?» - тихо позвал Пэй Чанлин, заметив, как тот изменился в лице. Он шагнул вперёд, хотел было взять его за руку, но Хэ Чжэньшу мгновенно отстранился.

Рука Пэя застыла в воздухе, потом медленно опустилась.

«Ты... ты, может, хочешь ещё подумать?» - осторожно спросил он. «Если тебе сейчас трудно решить, не нужно отвечать. А-Шу, я не собираюсь тебя заставлять. Я никогда не буду тебя ни к чему принуждать».

Многие заставляли его — обстоятельства, люди, даже он сам.

Только Пэй Чанлин говорил: «Я никогда не буду тебя заставлять».

В глазах Хэ Чжэньшу зашипало, он быстро моргнул, будто прогоняя жгучее тепло, и едва слышно спросил:

«А если... если я буду думать долго?»

Пэй Чанлин смягчился, в уголках губ появилась тёплая улыбка:

«Сколько угодно».

«Не знаю» - честно сказал Хэ Чжэньшу. «А если это займёт год или два? Три, четыре?»

Пэй Чанлин взглянул на него, в голосе не было ни тени колебания:

«Тогда я буду ждать — столько, сколько понадобится».

«А-Шу, - мягко произнёс Пэй Чанлин, - если бы не ты, я бы и этих нескольких месяцев не протянул. Сколько бы мне ни осталось, я всё это время буду ждать тебя».

«Что за глупости ты говоришь!» - Хэ Чжэньшу недовольно нахмурился. «Ты ведь почти выздоровел, проживёшь ещё сто лет, ты...»

Он запнулся, слова застряли в горле.

Пэй Чанлин спокойно встретил его взгляд и тихо сказал:

«А разве это плохо? Проживу я ещё год — подожду год, сто лет — подожду сто лет».

Голос Хэ Чжэньшу дрогнул, в груди защемило, будто ветер вдруг пробежал сквозь сердце.

Лёгкий порыв ветра тронул пряди у висков; Пэй Чанлин поднял руку и осторожно заправил выбившуюся прядь за его ухо.

«Но ведь ты же не станешь и вправду заставлять меня ждать, пока я не стану стариком?» - с улыбкой сказал он, глаза сверкнули мягким, тёплым светом. «Не то чтобы я против... просто боюсь, что когда постарею, стану уже не таким красивым, и ты перестанешь меня любить».

«И без того не то чтобы сильно люблю» - пробормотал Хэ Чжэньшу.

Не то чтобы сильно — значит, всё-таки немного любит.

Пэй Чанлин понял это без слов, и где-то глубоко внутри у него стало по-настоящему радостно.

Хэ Чжэньшу почувствовал, как от этого взгляда к щекам приливает жар; он поспешно отвернулся и, делая вид, что торопится, сказал:

«Пошли уже домой! А то отец с остальными, наверное, давно голодные сидят!»

Он быстро зашагал вперёд, почти вприпрыжку.

Пэй Чанлин, глядя ему вслед, тихо рассмеялся и медленно пошёл за ним.

....

К вечеру снова пошёл дождь.

В убогой глиняной хижине Дунцзы сидел на краю кровати и жадно ел простую лапшу в овощном бульоне.

«Ешь помедленнее» - сказала тётка Ван, сидевшая рядом. «Если мало, я ещё подогрею».

Она глянула на опухшую царापину у него на лбу, куда недавно втёрла лекарство, и снова ощутила, как закипает злость.

«Этот Лю Лао-сан — последнее хамло! Знала бы я, что ты помогал им по доброте, уж высказала бы ему всё как следует!»

Весь день она трудилась в поле, а когда услышала, что случилось между Дунцзы и Лю Лао-саном, тут же бросила всё и пошла к дому Лью, устроив там настоящий скандал, а уж потом пришла к мальчику. И только тогда узнала, что вся эта история — нелепое недоразумение.

Дунцзы, не поднимая головы, пробормотал с набитым ртом:

«Спасибо вам, тётушка Ван».

«Да что ты» - махнула рукой она. «Сколько раз я тебе говорила: если что случится — приходи ко мне. Я хоть и не богатая, ремесла особого не знаю, но не позволю, чтобы над тобой издевались».

Дунцзы тихо промычал в ответ, не поднимая глаз.

В комнате повисла тишина; за окном шумел дождь. Тётка Ван посмотрела на темнеющее небо и сказала:

«Ну ладно, Дунцзы, поешь — ложись отдохни. А я пойду, поздно уже».

Дунцзы поднял голову.

«В городке сейчас посевная, всем дали отпуск» - сказала тётка Ван после короткой паузы. «Дядя Ван вернулся. Ты же знаешь, какой он...» - замолчала она не договорив, и только махнула рукой. «Он, наверное, уже ждёт меня к ужину. Пойду, а то рассердится».

Тётка Ван всегда относилась к Дунцзы с теплотой. Когда-то она даже хотела приютить мальчишку, но муж был категорически против.

Семья Ванов в деревне жила средне — не бедствовала, но и богатой не считалась. На жизнь зарабатывали тем, что муж Ван подрабатывал в городке на стройке или в лавках.

У них с мужем не было детей, но и брать на воспитание чужого ребёнка — тоже не по правилам. К тому же, когда тётка Ван впервые заговорила о Дунцзы, тот уже подросток — мог работать по хозяйству и кормиться тем, что помогал соседям.

Она ушла, и вскоре за окном дождь стал ещё сильнее.

Крыша, крытая соломой, давно прохудилась — из нескольких дыр тонкими струйками сочилась вода. Капли падали прямо в миску с лапшой.

Дунцзы замер, глядя, как мутная капля падает в соевый бульон.

Но он не сдвинулся с места.

Дождь усиливался, вода текла по стенам, капала на плечи, а он всё так же сидел на краю кровати и молча ел, пока миска не опустела.

....

На следующее утро Хэ Чжэньшу, как обычно, отправился с семьёй Пэев убирать пшеницу.

Ночью дождь непрерывно лил, и мастер Пэй боялся, что если дождь затянется, то урожай может пропасть. Стоило только тучам разойтись, как он собрал всех и повёл в поле.

Только Пэй Чанлин послушно остался дома — сторожить хозяйство.

В последнее время Пэй Чанлин понемногу шёл на поправку, но родные всё равно не позволяли ему ни за что браться. Даже готовить для семьи — и то пришлось долго выпрашивать у Пэй Ланьчжи.

Пока тело не окрепнет окончательно, о работе в поле не могло быть и речи.

По сравнению с остальными крестьянами, у которых ещё оставались целые поля несжатой пшеницы, и теперь, они, перепуганные дождями, спешили на уборку, а у семьи Пэй дел было немного — всего две последние му.

Поэтому они не торопились: работали размеренно, переговаривались, наслаждаясь редким спокойствием.

Только Хэ Чжэньшу молчал. Казалось, его мысли были далеко отсюда.

«Ай!» - отвлекшись всего на миг, скользнул серпом себе по пальцу.

Пэй Ланьчжи, работавшая рядом, сразу бросила всё и подбежала.

Лезвие было острым — рана на указательном пальце оказалась глубокой, и кровь выступила сразу, густыми каплями стекая на землю.

«Как же ты так» - нахмурилась она, доставая из-за пазухи носовой платок. Аккуратно прижала им порез, потом туго перевязала. «Всё в облаках летаешь. Не помирился ещё с Чанлином?»

«Нет... не в этом дело» - прошептал Хэ Чжэньшу, зажмурившись от боли; глаза у него от слёз покраснели.

С самого утра Хэ Чжэньшу не находил себе места. Словно что-то не давало покоя — сердце било тревогу без причины, мысли путались, руки дрожали. Из-за этой неясной тревоги он и порезался.

«Сегодня лекарства с собой нет» - сказала Пэй Ланьчжи, осматривая рану. «Ступай домой, пусть Чанлин тебе обработает. Такая глубокая царапина сама не затянется. Если воспалится — вот тогда хлопот не оберёшься».

Хэ Чжэньшу кивнул:

«Хорошо».

Он никогда не был из тех, кто старается держаться до последнего, и, честно говоря, сегодня всё равно не мог сосредоточиться на работе. Вместо того чтобы мешаться под ногами, лучше уйти.

Он уже собирался подойти к мастеру Пэю и объяснить, почему уходит, как вдруг по тропинке меж полей со всех ног бежал какой-то крестьянин.

«Мастер Пэй!» - кричал он, едва переводя дыхание. «Ваш Чанлин в реку упал! Скорей бегите!»

....

Крестьянин этот был из соседнего участка, сам с утра трудился в поле.

Сегодня вся деревня занята жатвой — у реки почти никого. Никто толком не видел, как Пэй Чанлин оказался в воде: только издалека услышали крики о помощи и поняли, что кто-то тонет.

«Только начал поправляться — и опять беда!» - вздыхал кто-то. «Наверно, шёл по мосту и приступ случился».

«Похоже на то. Вчера дождь лил, мост скользкий, как мыло».

«Хорошо хоть успели вытащить... А то и думать страшно, что могло бы быть».

Когда Хэ Чжэньшу вместе с семьёй Пэев прибежал на место, вокруг уже собралась толпа.

В центре, прямо у обочины, сидел Пэй Чанлин — весь насквозь промокший, с мокрыми волосами, прилипшими к щекам. Его трясло, он судорожно кашлял, согнувшись пополам, а на плечи кто-то накинул старое шерстяное одеяло.

Рядом на коленях стоял Дунцзы — такой же мокрый, с побелевшими губами и дрожащими руками, всё ещё поддерживавший Чанлина за плечи.

Увидев, как подошли хозяева, он неуверенно поднял голову:

«Мартер Пэй, брат Пэй он.....»

«Что случилось?» - мрачно перебил его мастер Пэй, подбегая ближе.

Чанлин задыхался от кашля, горло будто сжимало, он не мог сказать ни слова.

«Это Дунцзы его вытащил» - крикнул кто-то из толпы.

«Да-да, он первым поднял шум, всех позвал! Если б не он, никто бы и не узнал, что человек в реке тонет!»

Все наперебой пересказывали, кто что видел. Дунцзы молчал, опустив голову, — лицо бледное, как бумага, губы посинели.

Мастер Пэй лишь мельком взглянул на него, но ничего не сказал.

Постепенно кашель Чанлина стал стихать — дышал он всё ещё тяжело, но уже мог сидеть ровнее.

«Всё потом, дома разберёмся» - коротко сказал Пэй.

Он подхватил сына, закинул его на спину и, не оглядываясь, зашагал прочь по размокшей дороге.

Собравшиеся вокруг в основном были крестьяне — люди простые, не любящие зря толкаться в толпе. Убедившись, что пострадавший жив, они быстро разошлись по своим делам: у каждого на поле ещё оставалась работа.

А вот когда семья Пэев вошла в деревню, на шум тут же прибежали женщины — тётки, бабушки, соседки, оставшиеся дома по хозяйству. Они сразу окружили их, расспрашивая, что случилось и кто упал в реку.

Но у семьи Пэев сейчас не было ни малейшего желания разговаривать.

Так что всё внимание досталось Дунцзы, шедшему позади всех. Женщины принялись засыпать его вопросами, но тот, всё ещё бледный и растерянный, только качал головой — ни слова не вымолвил.

Вскоре все добрались до дома.

Чжоу Юань, самый проворный из всех, тут же помчался в соседнюю деревню Циншуй за лекарем.

«Я пойду сварю Чанлину имбирный чай» - сказала Пэй Ланьчжи, поспешно закатывая рукава. «А ты, Шу, помоги нагреть воду, ему надо обтереться. Шу»!

С тех пор, как Хэ Чжэньшу услышал, что Пэй Чанлин упал в реку, он словно окаменел. Даже

войдя в дом, он машинально направился к комнате Чанлина, и только после нескольких окликов сестры очнулся.

Пэй Ланьчжи не стала его ругать, лишь тихо вздохнула:

«Не волнуйся, отец с ним, всё будет хорошо. Иди, помоги мне».

«Хорошо» - мягко ответил Хэ Чжэньшу, следуя за ней на кухню.

Пока до обеда было далеко, в печи ещё не горел огонь.

Он принёс охапку сухих дров, разжёг пламя, потом вынес во двор два полных ведра чистой воды и вылил их в котёл.

Ланьчжи тем временем быстро нарезала имбирь тонкой соломкой, разбила кусок сахарной глыбы и бросила всё это в жаровню вариться.

Они оба были заняты, и долго в кухне стояла только тишина — лишь потрескивали дрова и тихо шипела закипающая вода.

Когда Хэ Чжэньшу закончил, аромат имбиря уже наполнил комнату.

Пэй Ланьчжи сняла чай с огня, налила кипящий напиток в миску и, повернувшись к нему, сказала:

«Тут я сама справлюсь. Отнеси ему, ладно?»

Хэ Чжэньшу, всё ещё сидевший у очага, поднял голову.

«Сейчас он, наверное, захочет тебя видеть» - мягко сказала она, передавая чашку. «Пойди, побудь с ним. Лекарь скоро придёт. Всё будет хорошо».

Хэ Чжэньшу кивнул:

«Да».

Он вошёл в комнату, держа чашку. Пэй Чанлин уже был в сухой одежде, закутан в одеяло и сидел, прислонясь к изголовью. Отец Пэй сидел рядом, вытирая сыну волосы сухим полотенцем.

«Отец» - сказал Хэ Чжэньшу, ставя чай на тумбу. «Давайте я».

«Хорошо» - устало кивнул мастей Пэй, передавая ему полотенце и выходя.

Хэ Чжэньшу сел на край кровати. Чанлин поднял взгляд — будто хотел что-то сказать, но вдруг закашлялся так сильно, что ладонью прикрыл губы. Когда приступ прошёл, в его руке остались пятна крови.

Хэ Чжэньшу дрогнул, молча взял салфетку и вытер ему лицо и пальцы.

Молчание. Только слабое дыхание да потрескивание свечи.

«Я выйду» - сказал мастер Пэй. «Если что — позови».

Дверь закрылась.

Чанлин тихо закашлялся и едва слышно прошептал:

«Прости...»

Голос был хриплым, слабым — почти не слышно.

Хэ Чжэньшу замер.

«За что ты извиняешься?»

«Не должен был идти к реке» - шепнул Чанлин. «Не должен был...»

«Ты сам едва не умер, - перебил его Хэ Чжэньшу, - зачем извиняешься передо мной?»

Чанлин вздрогнул, посмотрел на него и, испуганно протянув руку, коснулся его лица:

«Не плачь, А-Шу... я жив, слышишь? Не плачь...»

«Я и не хотел» - прошептал Хэ Чжэньшу, но глаза уже блестели. Слезы хлынули прежде, чем он успел выдохнуть. «Я думал... я думал, ты снова...»

Он так и не смог объяснить, что почувствовал, когда услышал, что Чанлин упал в воду.

В тот миг он почти поверил, что всё повторится снова. Что он снова... увидит, как тот умирает.

«Я устал, - подумал он, - устал от этого бесконечного круга...»

Сколько бы раз они ни рождались заново, боль от каждой потери оставалась той же — свежей, нестерпимой.

Он боялся двух вещей: что не сможет вырваться из круга... и что, может быть, уже вырвался.

Потому что это значило бы одно — он действительно потеряет его.

Хэ Чжэньшу не мог сдержать слёз. Его трясло от страха и облегчения. Пэй Чанлин обнял его крепко, прижимая к себе.

«А-Шу, я жив» - тихо сказал он, поднеся руку Хэ Чжэньшу к своей груди. «Слышишь? Слушай... я жив».

Под ладонью билось сердце — хрупкое, израненное с самого рождения, но всё ещё живое.

«Больше так не пугай меня» - прошептал Хэ Чжэньшу, пряча лицо в его плече, пока слёзы пропитывали ткань. «Ты напугал меня, Пэй Чанлин».

<http://bllate.org/book/14476/1280782>